

се), **ѿ** **КРАТАТЕ** 421 (12th c), **оу** **ДОУЛѢ** 492 (14th c), **от** **АНЕ** 531 (12—13th cc), **оу** **ГЛЮВЛИ** **КОКЫЛѢ** 500 (14th c);

(3) the following present verb forms: **ВЕДАШЬ**, **ДѢАШЬ** (2nd pers. sing.) 487 (first half of 12th c), **КОУДОУ** **ЛЮДИ** 531 (12—13th cc);

(4) the frequent, but not exclusive, absence of the copula: **А** **ЗАПЛАТИЛЪ** 421 (12th c), **ОТНАЛЪ** 494 (14—15th cc), **РОЗГРАКИЛИ**, **ВЗАЛИ** 496 (15th c), **АЗЪ** **БѢЛЪ** 496 (15th c), **ДААЛА** 531 (12—13th cc), but: **ЕСТЕ** **ПОИХАЛИ** 497 (14th c), **ЕСИ** **ВОЗЛОЖИЛО** 531 (12—13th cc);

(5) the 3rd pers. sing. perfecti sometimes ends in *-e*: **ОУСИЛЕ**, **ВЗАЛЕ** 466 (15th c), **ПРОДАЛЕ** 439 (12—13th cc), **ПОЕХАЛЕ**, **ЗВАЛЕ** 534 (14th c). This *-e* also occurs in the auxiliary: **ВЗА** **НЕСМЕ** (sic) 482 (12—13th cc) as well as in pronouns: **ИДУ** **САМЕ** 6 (12th c). We note here that the data numbered 1—10 occur in a letter from Staraja Russa.

As regards grammatical categories, the use of the dual is worthy of attention. In letter 424 a consistent non-use of the dual, otherwise required by the text, can be observed. This letter dates from the 12th century. Another writer, however, of a letter also from this century (No. 422) did make proper use of the dual: **ПОПРОСИТА**, **ПОПЫТАИТА**, **СОЛИТА** (sic), **ВОДАИТА**, **ВАМА**. So did the author of letter 510, still from the 12—13th centuries: **ТОРГОВАЛА** **ЕСТА**, **ЕСТА** **ТОРГОВАЛА**. This variation in the use of the dual presumably comes from its being optional at the time.

It can clearly be seen from our examples that the birch-bark documents are of great source-value for Russian historical linguistics and dialectology.

By editing and commenting on these recently discovered sources A. V. Arcichovskij and V. L. Janin offer useful and valuable material for scholars interested in the language and history of ancient Novgorod and Staraja Russa.

I. H. Tóth

Studia Rossica I. Pod red. A. OBRĘBSKIEJ-JABŁOŃSKIEJ i A. SEMCZUKA. Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego 1976, 298 стр.

Рецензируемая книга является сборником статей, выпущенным Институтом русистики Варшавского университета по случаю 25-летия подготовки специалистов по русской филологии в Варшавском университете. Авторами весьма содержательного и разнообразного тома «*Studia Rossica I*» являются научные работники Института, а также исследователи других научных центров, сотрудничающие с Институтом в научно-исследовательской работе. По традициям, сложившимся в Польше, в томе помещены не только работы по русистике в узком смысле, но публикуются также статьи по украинской и белорусской филологии. Как говорится в кратком предисловии редакторов тома, профессоров А. Обрембской-Яблоньской и А. Семчука (стр. 3), рецензируемый сборник статей «довольно верно отражает направление и профиль научных интересов сотрудников Института русистики Варшавского университета». Согласно этому профилю, том состоит из трех основных разделов. В раздел I (стр. 5—148) вошли 14 статей по языкознанию, раздел II (стр. 149—269) содержит 10 работ по литературоведению, а в разделе III (стр. 271—298) помещены 2 работы по методике преподавания русского языка. Преобладающее большинство статей, помещенных в томе, опубликовано на польском языке; лишь две работы напечатаны на русском, а одна на английском языке.

Серию весьма разнообразных по тематике работ по языкознанию открывает статья М. Баля.¹ На основе фонетических и семантических критериев автор определяет 215

¹ M. BAŁY, *Ukrainizmy i ich źródła w najwcześniejszych utworach M. Gogola*, 7—19.

лексических украинизмов в сборнике рассказов Н. В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки», из которых 208 слов фиксируются словарями украинского литературного языка. Остальные несколько слов — это полтавские диалектные слова или просторечные формы, и поэтому не приводятся в словарях украинского литературного языка. Автор считает украинизмами в языке Гоголя все заимствованные из какого-либо третьего языка лексические элементы, которые, по его мнению, попали в язык писателя через украинское посредство. Лексический материал дается автором в группировке по частям речи, причем существительные, составляющие большинство материала, делятся также по значению. В качестве заглавных слов приводятся формы, засвидетельствованные в языке Гоголя, потом следуют ссылки на место фиксации слова, польское значение, и наконец, украинские формы, послужившие источником слов украинского происхождения в языке писателя. Большинство украинизмов по своему значению относится к области быта, работы, верований, обычаев украинского народа, есть среди них названия блюд и напитков, одежды и орудий труда, а также слова, относящиеся к истории украинского народа. Материал, извлеченный из ранних произведений Гоголя, сопоставляется автором с данными ССРЛЯ.² Автор устанавливает, что значительная часть украинизмов, использованных Гоголем (около 50 слов) в ССРЛЯ вообще не приводится. Еще больше украинизмов (около 90 слов) приводится в ССРЛЯ без каких-либо стилистических помет, что может создать впечатление, будто все эти слова принадлежат к общеупотребительной лексике современного русского литературного языка. К следующей группе автор относит слова, которые в ССРЛЯ приводятся с разными стилистическими пометами (обл., простореч., обл. и устар., разг., устар. и т. п.). Автор не без основания считает странным подход ССРЛЯ к украинизмам в ранних произведениях Гоголя, так как большинство из них и сам Гоголь считал словами украинского происхождения и поместил их в приложенном к «Вечерам на хуторе близ Диканьки» списке слов, «которые в книжке этой не всякому понятны».³ Необходимо, однако, указать на некоторые недосмотры М. Балия: слова *горелка* (3 : 289), *цыбуля* (17 : 678) и *паньч* (9 : 128) имеются в ССРЛЯ, причем последнее как раз в этой — более близкой к украинской — фонетической форме (у Гоголя в русифицированной форме — *панич*). К сожалению, автор не различает украинизмы, введенные в русский литературный язык впервые Н. В. Гоголем, от тех, которые были известными и раньше, ведь некоторые из приводимых автором слов появились в русской (великорусской) письменности столетиями раньше (напр. *цимбалы* — с XVII в.,⁴ *хлопец* — с XVI в.,⁵ *жупан* — с XVI в.,⁶ *шляхетство* — с XVII в.,⁷ *гетман* — с XV в.⁸ и т. п.). Несмотря на эти недостатки М. Балий проделал ценную работу самым сбором украинизмов в ранних произведениях Н. В. Гоголя, а кроме этого сравнение их с данными ССРЛЯ, помимо указанных неточностей, может быть использовано теперь при подготовке к печати второго, исправленного издания этого капитального лексикографического труда.⁹

² Словарь современного русского литературного языка 1—17. Москва 1950—1965.

³ Н. В. Гоголь, Собрание сочинений в семи томах, т. 1. Москва 1976, 11—13.

⁴ М. VASMER, Russisches etymologisches Wörterbuch I—III. Heidelberg 1953—1958, 1: 557.

⁵ В. М. Тамань, Полонизмы в языке памятников XVI в.: Учение записки ЛГУ, № 267, Серия филологических наук, вып. 52, Ленинград 1960, 123.

⁶ Этимологический словарь русского языка. Под ред. Н. М. Шанского. Москва 1/1 (1963) —, 1/5 : 298.

⁷ Вести-куранты 1600—1639 гг. Издание подготовили И. И. Тарасова, В. Г. Демьянов, А. И. Сумкина. Под ред. С. И. Коткова. Москва 1972, 161.

⁸ Ф. П. Сороколетов, История военной лексики в русском языке XI—XVII вв. Ленинград 1970, 277.

⁹ Ср. Ф. П. Филлин, Ф. П. Сороколетов, К. С. Горбачевич, О новом издании «Словаря современного русского литературного языка» (в семнадцати томах): Вопросы языкознания 1976, 3 : 3—19.

Работа А. Богуславского¹⁰ является оригинальной попыткой формального описания системы спряжения русских глаголов. Предлагаемый автором метод делает излишним учить стьки морфем, а также пользование понятиями суффиксов, окончаний и чередований звуков в описании спряжения русского глагола. В результате, однако, получается весьма большое количество правил и формул, и все еще остается немало «исключений» из устанавливаемых автором правил.

Ирена Галстер¹¹ анализирует с точки зрения синтаксиса один из памятников русской переводной литературы конца XVII в. (анонимный русский перевод работы А. Фрыча Моджевского «De republica emendanda» на основе польского перевода Ц. Базылика). Автор обращает свое внимание, с одной стороны, на церковнославянские и другие архаичные элементы в синтаксисе русского перевода (дательный самостоятельный, двойные именительный, дательный и винительный, устаревшие управления и союзы), а с другой — на синтаксические конструкции, появившиеся в русском книжном языке посредством польского и украинского языков под влиянием латыни. К этим последним относит автор латинский порядок слов (сказуемое в конце предложения и т. п.), являющийся часто результатом упорного придерживания переводчиком польского текста, употребление конструкций *nominativus cum infinitivo* и *accusativus cum infinitivo*; этими последними конструкциями русский переводчик пользуется свободно, они встречаются также в случаях, когда в польском тексте употреблена другая конструкция. То же самое относится и к конструкции, называемой автором условно полонизмом, — к безличным предложениям со сказуемым в форме страдательного причастия прошедшего времени с окончанием *-но, -то*, управляющего винительным (при отрицании — родительным) падежом (напр., *дабы за предѣлъ пѣнязей не выношено*, стр. 40). Так как переводчик свободно, независимо от оригинала, и правильно пользуется этими синтаксическими конструкциями, чуждыми так же русскому, как и церковнославянскому языку, автор приходит к выводу, что переводчик был родом из Юго-Западной Руси. В этом мы должны согласиться с автором тем более, что, уже начиная с XVI в., переводы с польского на русский язык осуществлялись, как правило, книжниками юго-западнорусского (т. е. украинского и белорусского) происхождения.¹²

В работе Т. Голыньской¹³ сопоставляются и анализируются сведения о существительных с уменьшительными и увеличительными суффиксами, содержащиеся в пяти грамматиках украинского языка 1-й половины XIX в. (А. Павловского — 1818 г., И. Левицкого — 1834 г., Я. Вагилевича — 1845 г., И. Лозинского — 1846 г. и Я. Головацкого — 1849 г.).

С. Каролак¹⁴ на материале славянских (главным образом польского, русского и болгарского) языков изучает отношения между возникающими в процессе словообразования словами и их реальным, утвержденным общественным узусом значением.

В работе Ю. Люкшина¹⁵ представлены привлекающие в последнее время все больше внимания методы структурно-семантического анализа текста. Автор анализирует по одному абзацу художественной прозы А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова.

¹⁰ A. BOGUSŁAWSKI, On Presenting Inflectional Facts (with Special Reference to Russian Verbs), 21—32.

¹¹ IRENA GALSTER, Wybrane zagadnienia składni staroruskiej, 33—40.

¹² Ср. Назиратель. Издание подготовили В. С. Гольщенко, Р. В. Бахтурина, И. С. Филиппова. Под ред. С. И. Коткова. Москва 1973, 69—71.

¹³ T. HOŁYŃSKA, Słowotwórstwo rzeczowników w najstarszych gramatykach języka ukraińskiego, 41—51.

¹⁴ S. KAROLAK, Strukturalne a realne (definicyjne) znaczenie wyrazu, 53—61.

¹⁵ Ю. Люкшин, О некоторых приемах анализа сверхфразовых синтаксических единств в художественном тексте, 63—71.

Г. Милейковская¹⁶ выбрала тему своей интересной статьи из области предистории формирования современного русского литературного произношения. Фонетическая реализация фонемы <г> была нормирована впервые М. В. Ломоносовым,¹⁷ ограничившим возможность произношения фрикативного [ɣ] всего несколькими словами (в косвенных падежах слова *бог*, в словах *господ*, *глас*, *благо* и в их производных и сложениях). Взрывное произношение [g], однако, не стало сразу общепризнанной нормой русского литературного произношения, хотя последователи М. В. Ломоносова — В. Светов, А. Сумароков, а также Словарь Академии Российской 1786—1794 гг. — повторяют в основном орфоэпические правила, установленные М. В. Ломоносовым. Г. Милейковской удалось обнаружить уникальный экземпляр 2 тома Словаря Академии Российской, который был напечатан, вероятно, всего в единственном экземпляре, одновременно с изданием официального, утвержденного Академией соответствующего тома словаря. Неизвестный редактор этого неофициального тома, в отличие от ломоносовской традиции, фрикативное произношение [ɣ] считает допустимым во многочисленных случаях, главным образом перед гласными и сонорными согласными, и не указывает при этом на какую-либо стилистическую разницу между двумя допустимыми вариантами произносительной нормы. Любопытной особенностью этого экземпляра является и употребление особой, заимствованной из орфографической практики украинских рукописей и старопечатных книг буквы *г* для обозначения взрывного [g], причем традиционная кириллическая буква *г* обозначает фрикативное [ɣ]. Отметим, что введение буквы *г* в русскую орфографию по украинскому образцу предлагалось уже и в 1-й половине XVII в.¹⁸

А. Минович¹⁹ изучает формы выражения логического подлежащего в синонимических предложениях типа *я огорчаюсь твоими неудачами: меня огорчают твои неудачи; я грущу: мне грустно; я не могу спать: мне не спится; я разбил стакан: у меня разбился стакан* и т. п.

А. Обрембская-Яблоньская в своем исследовании²⁰ представляет на богатом историко-языковом и диалектном материале развитие флексии существительных мужского рода с основой на *-a/-ja*, обозначающих лиц. В белорусском языке выдвигание на передний план категории рода привело к тому, что первичные флексии дательного, творительного и местного падежей были заменены соответствующими окончаниями существительных с основой на *-ѡ*. К этой смешанной парадигме примкнули и личные имена, имевшие в именительном падеже единственного числа первоначально окончание *-о*, которое лишь под влиянием аканья изменилось в *-а*, напр. *Янка* < *Янко*. Родительный падеж единственного числа этих имен — во избежание совпадения с именительным падежом — получил окончание *-ы (-і)*, напр. *Янка: Янкі* по образцу *Мікіта: Мікіты, староста: старасты*. Этот смешанный тип склонения, развившийся на белорусской почве, отражается и в парадигме польских фамилий (отчасти белорусского происхождения) типа *Kościuszko, Moniuszko*, родительный падеж ед. ч. которых — *Kościuszki, Moniuszki*.

М. Рутковская в своей короткой статье²¹ оспаривает встреченный ею в литературе взгляд, согласно которому русский глагол *отнять* — принадлежность просторечия.

¹⁶ H. MILEJKOWSKA, Z historii normalizacji wymowy głoski *Г* w rosyjskim języku literackim XVIII—XIX wieku, 73—81.

¹⁷ См. Российская грамматика Михайла Ломоносова, Санкт-Петербург 1755, 48 (§ 99).

¹⁸ Ср. Б. А. Успенский, Первая русская грамматика на родном языке. Москва 1975, 39.

¹⁹ A. MIROWICZ, O różnym usytuowaniu podmiotu logicznego w niektórych korelatywnych konstrukcjach zdaniowych, 83—87.

²⁰ А. ОБРЕМБСКА-ЯБЛОНЬСКА, Białoruska fleksja męskich nazw osób na *-a/-ja* na tle starosłowiańskim i staroruskim, 89—97.

²¹ M. RUTKOWSKA, Rzekomy wulgaryzm *отнять*, 99—102.

В поддержку аргументации автора статьи мы можем привести цитату из советской художественной прозы последних лет, в которой глагол *отнять* употребляется без какой-либо отрицательной стилистической окраски.²²

Работа Э. Смукловой²³ является тщательным акцентологическим описанием существительных одного белорусского говора на территории Польши, хорошо сохранившего свои диалектные особенности.

В статье Я. Зомбковской²⁴ анализируются русские прилагательные на *-лый* в сопоставлении с соответствующими польскими прилагательными на *-ły*. Автор приходит к выводу, что с точки зрения синхронического словообразования они — несмотря на распространенные в науке взгляды — должны трактоваться как дериваты от глаголов несовершенного вида или как префиксально-суффиксальные образования.

В. Змарзер в своей статье²⁵ сопоставляет древнерусские личные имена с суффиксами *-икъ*, *-есь*, *-акъ*, *-ка*, *-ица*, обозначающие мужчин (всего 221 имя), собранные по *Словарю древнерусских личных имен* Н. М. Тупикова (С.-Петербург 1903) с соответствующими именами нарицательными в *Материалах для словаря древнерусского языка* И. И. Срезневского (С.-Петербург 1893—1903), а также с данными словарей русского литературного языка и областных словарей. Из проведенного автором сопоставления явствует, что больше половины указанных выше личных имен засвидетельствовано в памятниках раньше, чем соответствующие им нарицательные имена. Это обстоятельство во многих случаях позволяет уточнить сведения об истории, о времени появления отдельных нарицательных имен. Автор указывает также на то, что исследование древнерусских личных имен может дать много важных данных для изучения продуктивности отдельных словообразовательных типов в разные периоды истории русского языка.

Раздел «Языкознание» рецензируемого сборника статей замыкает интересное этимологическое исследование П. Зволинского.²⁶ Характерной особенностью толкования русского слова *беженец* и чешского *běženec* в научной литературе является то обстоятельство, что чешские исследователи считают *běženec* заимствованием из русского языка, между тем как в советской этимологической литературе было высказано мнение о том, что русск. *беженец* заимствовано из чешского. По наблюдениям П. Зволинского, слово *беженец*, несмотря на необычность места ударения и словообразовательной структуры, возникло в русском языке в конце XIX в., а в чешский язык оно попало после 1-й мировой войны. В качестве добавления к данным по истории слова *беженец* в русском языке небезы интересно, может быть, привести цитату из воспоминаний советского писателя В. Каверина, свидетельствующую о необычности этого слова в русском языке еще и в годы 1-й мировой войны: «В 1915 году в наш класс были переведены поляки — беженцы из Варшавской гимназии. „Беженцы“ было новое, казавшееся странным слово. Все хотелось сказать — беглецы».²⁷

²² «Покорный Сергей Эйзенштейн никогда заранее не назначал натурную съемку. Его спрашивают, бывало: „Можно давать команду?“ — „Да нет, все равно погоды не будет. Ну, выезжайте так просто“. И на съемочную площадку приезжал, как будто посмотреть зашел. Все с ним хитрил. — Немировский показал на небо. — А потом от с н и м е т и показывал пальцем: „обманул...“ (Г. Бакланов, Друзья. «Советский писатель», Москва 1976, 17.)

²³ E. SMUKŁOWA, Akcentuacja rzeczowników w białoruskim systemie gwarowym wsi Knyszewicze powiatu sokólskiego, 103—121.

²⁴ J. ZAWKOWSKA, Struktura słowotwórcza i motywacja znaczeniowa przymiotników odślawnych z sufiksem *-li-* (na materiale języka rosyjskiego w porównaniu z polskim), 123—133.

²⁵ W. ZMARZER, Antroponimy staroruskie na tle rosyjskiego słownictwa pospolitego, 137—144.

²⁶ P. ZWOŁIŃSKI, Rosyjski *беженец* a czeski *běženec*, 145—148.

²⁷ В. А. Каверин, Освященные окна. «Современник», Москва, 1976, 81—82.

В рамках настоящей рецензии, к сожалению, мы не можем остановиться на остальных двух разделах книги, посвященных литературоведению и методике преподавания русского языка, хотя работы, помещенные в этих разделах, также заслуживают внимания. (Для информации приводим ниже перечень работ по литературоведению и методике).²⁸ Таким образом, если в рамках этой краткой рецензии мы не могли представить рецензируемый сборник статей во всей его полноте, мы надеемся, что нам, быть может, удалось все-таки обратить внимание на ценный вклад варшавских русистов в исследование разнородных вопросов восточнославянской филологии. Так как рецензируемое издание носит порядковый номер «I», в заключение нам хотелось бы пожелать варшавским коллегам успешного его продолжения.

А. Золтан

Н. И. Новиков и общественно-литературное движение его времени. «XVIII век», сборник 11, под ред. Г. П. Макогоненко. «Наука», Ленинград 1976, 256 стр. — **А. Н. Радищев и литература его времени.** «XVIII век», сборник 12, под ред. Г. П. Макогоненко. «Наука», Ленинград 1977, 259 стр.

The series called "The Eighteenth Century", launched in the mid-30s, is being edited by the Section of the Leningrad Institute for Russian Literature dealing with Eighteenth-Century Literature. The most recently published volumes examine the activity of the two most prominent figures of the period, N. I. Novikov and A. N. Radiščev, as well as the social and literary ambience in which they worked.

The Institute embarked on a commendable and fruitful enterprise when it decided to collect into separate volumes those studies, publications, and documents containing new research results which bear on the creative activity of certain prominent personalities of the epoch. In this way, researchers investigating the literary history of the 18th century can provide (and gain) a fuller and more differentiated picture of the activity of individual authors and of the problems that have presented themselves in the course of the researches.

Belonging to the thematically collected studies is the 11th volume of the series, which deals with N. I. Novikov's activity, also evaluating his role in Russian intellectual life. The backbone of the volume is supplied by the materials of a conference on Novikov, organised jointly by the Institute for Literature and the University of Tartu.

N. I. Novikov was the most influential personality of the 18th-century Russian intellectual life, whose activity as a literary organiser, an editor of books and journals, a creator and activator of social public opinion is — we may state without exaggeration — unique in the whole of Russian intellectual life. The volume is introduced by P. N. Berkov's posthumous study, which appreciates Novikov's role in the development of Russian

²⁸ A. BARSZCZEWSKI, *Romantyczna osnowa Baśni życia Jakuba Kołasa*, 151—158; T. KOŁAKOWSKI, *Literatura radziecka w eksperymentach teatralnych Wandurskiego*, 159—171; PAULINA LEWIN, *Teoria dramatu w wykładach poetyki z uczelni rosyjskich XVIII wieku*, 173—183; F. NIEUWAŻNY, *Futurystyczny epizod ukraińskiej awangardy poetyckiej*, 185—194; *Нина Петрова*, *Был ли Адуев романтиком «по натуре»?*, 195—202; A. SEMCZUK, *Nieudane rendez-vous bohatera noweli Turgeniewa Asia*, 203—209; W. SKRUNDA, *Dwie koncepcje zbioru Fiziologija Pietierburga*, 211—224; T. SZYSZKO, *Z rozważań Mikołaja Leskova nad koncepcją powieści*, 225—238; R. ŚLIWOWSKI, *Fiodora Sologuba wizja teatru i próby wcielenia jej w życie*, 239—258; ALICJA WOŁODŹKO, *Idealy i ludzie żywi. W kręgu bohaterów radzieckiej prozy wojennej*, 259—269; ALICJA MACHALSKA, *Podręczniki języka rosyjskiego w szkole podstawowej i średniej w Polsce Ludowej (1946—1974)*, 273—286; S. ŚLĄTKOWSKI, *O strukturze podręczników języków obcych*, 287—298.